

Утро памяти Комиссаржевской.

Тускло, слезливо горят номинальные свѣчи въ фойе Новаго Драматическаго театра. Вездѣ покрасѣвшіе глаза, стыдливое всхлипываніе; звучитъ безстрастное и все же хватающее за душу тѣніе...

Къ портретамъ Комиссаржевской въ фойе присоединилась большая статуя, работы М. Блоха, и бронзовый бюстъ. Бывшее прежде сходство и чертъ, и выраженія милого лица В. Ѳ., теперь какъ-будто исчезло; быть можетъ, виной плохое освѣщеніе, или статуя переделана авторомъ, но сейчасъ она не трогаетъ, не умиляетъ.

Въ толпѣ, наполнившей залъ, гдѣ еще витаетъ свѣтлая тѣнь Комиссаржевской, преобладаютъ скорбные черные цвѣта. Тоскливой безнадежностью зазвучала мелодія шопеновскаго «Marche funebre»,—и толпа прослушала его стоя, въ благоговѣйномъ молчаніи. Щемило душу и хотѣлось плакать дѣтскими, безсильными слезами.

Быть можетъ, наилучшими поминками было бы сейчасъ-же послѣ этихъ торжественныхъ аккордовъ, не расплескавъ молитвеннаго настроенія въ душѣ, тихо разойтись по домамъ. Но предстояла еще большая поминальная программа.

Красиво построенную рѣчь сказалъ О. Дымовъ; отъбѣду особо его мысль, что служеніе В. Ѳ. театру «было похоже на какое-то предопредѣленіе, на исполненіе чьей-то скрытой воли». Мысль и вѣрная, и тонко подмѣченная.

Въ условно-театральной, оставляющей безучастнымъ манерѣ прочла В. Мичурина стихотвореніе Т. Щепкиной-Куперникъ, и для чего-то, вслѣдъ за этимъ, еще одно.

Нѣбли Макаровъ и Тартаковъ, красиво и строго пѣлъ женскій хоръ (муз. Лядова) къ «Сестрѣ Беатрисѣ», съ которой связаны лучшія, самыя волнующія воспоминанія о В. Ѳ., какъ артисткѣ.

Опять появилась, добытая изъ старыхъ сараевъ, превосходная декорация, въ которой «Беатриса» шла при Вѣрѣ Ѳедоровнѣ.

Довольно большой, расхолаживающій антрактъ—и вотъ мы въ кошмарномъ мірѣ пятаго акта «Жизни Человѣка», поставленнаго на этотъ разъ Л. Андреевымъ.

«Жизнь Человѣка», одна изъ изысканнѣйшихъ постановокъ театра времени Комиссаржевской, не напоминаетъ о живой Вѣрѣ Ѳедоровнѣ, — она въ этой пьесѣ не играла, но напоминаетъ зато о ея жуткой, безвременной кончинѣ.

Ожили и получили въ день поминокъ особый смыслъ—суровый силуэтъ «Нѣкогого въ сѣромъ», и отвратительный, хихикающій смѣхъ старухъ вокругъ умирающаго Человѣка...

Предстояло прослушать еще кого-то, и еще кого-то, но я вышелъ изъ театра, боясь оскорбительнаго въ такой день чувства холодныхъ будней.